

УДК 101.1::323.1(045)

*В.Н. Скрынник***ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КСЕНОФОБИЯ. СМЫСЛ И РЕАЛЬНОСТЬ**

В современном мире резко обострились межконфессиональные и межнациональные отношения. При этом очень четко проявились две взаимоисключающие тенденции в этих отношениях – толерантность и ксенофобия. Понятия, давно известные науке и философии, сегодня во многом меняют свое содержание. Чтобы понять, суть и причину этого, необходимо четко определить, насколько смысл, который мы вкладываем в эти понятия, соответствует реальности. В процессе исследования выяснилось, что понятие «толерантность» абсолютно не соответствует этимологии данного слова. Именно из-за неправильного его понимания отношение к проявлению толерантности часто вызывает отрицательную реакцию. В результате в реальности поддержка такого типа поведения гораздо ниже, чем того хотели бы сторонники данного типа мировоззрения. Напротив, понятие «ксенофобия» полностью соответствует этимологии слова, что, в принципе, не добавляет ей сторонников. Его понимание не требует серьезных усилий. Главное же в том, что толерантность всегда взывает к логике, миропониманию, а ксенофобия – к чувствам, притом самым низменным. И от их противостояния (не в философских спорах, а в реальности) во многом зависит судьба, как минимум, европейской цивилизации.

Ключевые слова: толерантность, ксенофобия, политкорректность, мультикультурализм, конфессия, этимология, симулякр, социальная аберрация, этология.

Смысл

Современный социум удивительно многообразен. Экономически, в социальной сфере, в сфере политики и, особенно, – в духовной жизни. Это, разумеется, совершенно банальное положение, известное всем, в том числе людям, абсолютно далеким от науки, тем более, – философии. Вопрос лишь в том, что развитие во всех формах движения материи, особенно социальной, возможно лишь при наличии реального многообразия. В обществе же развитие, тем более ускоренное, возможно тогда, когда многообразие приходит в стадию плюрализма во всех областях человеческой жизнедеятельности. Однако на протяжении человеческой истории это случалось довольно редко и скорее похоже на случайность, чем на проявление некой закономерности. Противоположных примеров история знает гораздо больше. С другой стороны, многообразие в социуме уже по своей сути предполагает наличие противоположностей, дихотомий и антиномий. Наличие зла есть такая же данность как и наличие добра, как любви противостоит ненависть и т. д. Не абсолютизируя данные понятия, ибо в обществе (и не только в нем) ничего абсолютного быть не может. Однако это не дает никаких оснований смешивать эти понятия или подменять одно другим: добро и зло местами никогда не менялись. Точно так же толерантность противостоит ксенофобии, как, впрочем, и наоборот.

История прошлого, настоящего и будущего – продукт деятельности людей. Другой вопрос, насколько сознательно или неосознанно люди эту историю творят. В принципе, это еще одна банальность. И она осталась бы таковой, если бы не предлагаемая наукой и философией задача. Нельзя понять ни одного момента истории человеческой цивилизации без выяснения причин того, что привело к данной действительности. И как бы ни относиться сегодня к марксизму, необходимо помнить, что именно Маркс впервые вынес понимание причинно-следственных связей в истории за пределы «воспаленного мышления» великих личностей. Хотя именно здесь и только здесь вся историческая наука от Плутарха до Момзена и Леопольда фон Ранке искала ответ на вопрос: что творит историю? Разумеется, люди поступают именно так потому, что они так думают. Их желания, цели, стремления, воля являются побудительными силами для их поступков. Иначе и быть не может. Но (и это главный вопрос) не в этом причины всех событий. Причины гораздо глубже, и могут быть поняты только тогда, когда мы правильно (то есть истинно) ответим на вопрос, что заставило людей именно сейчас и именно так думать? Что определило их мысли, цели и стремления? В конце концов, их мировоззрение. Именно здесь у социальных наук (например, социальной психологии) и социальной философии возникает наибольшее количество проблем с поиском истины. Именно здесь благодатная почва для дискуссий.

Разумеется, всем известно, что законы природы (устойчивые, повторяющиеся и необходимые связи явлений) возникают совершенно стихийно, тогда как в обществе действуют люди, сознательно преследующие свои, каким-то образом сформировавшиеся, цели и интересы. Вопрос, с какой целью

движется атом? – для физика является не просто глупым, но совершенно бессмысленным, если, разумеется, данный ученый не придерживается креационистской концепции. А вот для историка вопрос: «С какой целью Наполеон повел войска в Египет?» – не только имеет смысл, но и без ответа на него истина не достижима и никакой исторической науки быть не может. Необходим ответ на вопрос, какова причина данного события. Но важно не только правильно понять, но и точно выразить в системе понятий. И вот здесь естественные и социальные науки, а тем более – социальная философия однозначно расходятся, что кратко это можно выразить так: наука ищет истину, социальные науки и социальная философия очень часто теряются в паутине смыслов. Мы не утверждаем, что в естественных науках все категории «однопонятийны»; здесь тоже хватает проблем. Но если взять, допустим, политологию, то для неё эта проблема становится глобальной. И, разумеется, все дискуссии по любому вопросу теряют смысл, если изначально не определились с понятиями, о которых начинается спор. Эту проблему удивительно четко понял один из основателей информатики Клод Шеннон. Любое понятие несет в себе информацию, которую он определил как «содержание сообщения» [17]. Само понятие, то есть слово, звук есть лишь код-носитель информации. Ведь не важно, на каком языке мы произносим это понятие: на русском, английском, иврите или, допустим, на языке племени зулусов. Важно главное – содержание сообщения. Но если для естественных наук всегда за этим должна скрываться истина (даже если здесь и сейчас наука не способна ее познать), то для социальных наук (в меньшей степени) и для социальной философии (в огромной степени) системы его идей, взглядов и, в конечном счете, мировоззрения это вообще «неснимаемая» реальность. Именно поэтому так сложно, а иногда и невозможно понять, почему люди поступают так или иначе. При этом не важно, пытаемся ли мы понять логику поступков или действия толпы, подверженной стадии массового психоза, когда конкретный человек вообще не осознает, зачем и почему он это творит. Ибо практически всегда рациональное (логика) и иррациональное (чувства) бывают настолько переплетены, что вопрос о причинно-следственных связях чаще всего не имеет ответа и уходит в категории «смысла».

Тем не менее, попытаемся хотя бы частично разобраться в этом вопросе, рассмотрев категории *толерантность* и *ксенофобия* с точки зрения смысла и как социальные явления (социальную реальность). Тем более, как нам кажется, именно в столкновении столь разных, даже абсолютно противоположных систем (в смысле понимания + действия) и формируется будущее не только европейской, но и всей человеческой цивилизации. Начнем с понятий, то есть содержания сообщения. *Tolerantia* — терпение, добровольное перенесение страдания. Практически все словари XX в. сводят толерантность именно и только к понятию *терпимости*. В философском энциклопедическом словаре читаем: «Толерантность – терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима к особенностям применительно к особенностям различных народов, наций, религий». И тут же в некотором смысле дихотомичное определение: «Она (толерантность) является признаком уверенности в себе и сознания надежности собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [16. С. 702]. Запомним это определение и ниже попытаемся объяснить, почему мы считаем два этих определения именно дихотомичными. Для полноты (хоть и относительной) приведем еще два определения. Словарь В.И. Даля определяет *терпимость* как некую способность личности терпеть что-либо «по милосердию или снисхождению» [7]. Другой пример – словарь Брокгауза и Ефрона сводит *толерантность*, в основном, к *веротерпимости*, четко сообщая ей конфессиональный оттенок [4]. С учетом других словарей и энциклопедий можно с уверенностью констатировать: практически все они сводят понятия «толерантность» и «терпимость» к полной синонимичности. Возникает и продуцируется некая этимологическая константа, которая, на наш взгляд, сегодня является неверной и противоречит той реальности, которую мы наблюдаем. Да и в истории человечества это было далеко не так, что и попытаемся доказать в силу наших способностей.

Обратимся к истории христианства, его началу и развитию. Являясь в своей первоначальной ипостаси религией «низов», страстно желавших платы и возмездия за все перенесенные страдания и видевших именно в этой вере проповедь компенсации за эти страдания хоть в загробном мире, люди возвели *страдания* в смысл своего бытия. Именно эсхатологические настроения породили *терпимость* как смысл существования. Притом – не только по отношению к своим мучителям, но и ко всей жизни в целом. Слова «Бог терпел и нам велел» превратились не просто в систему поведения, но именно в тип мировоззрения, особенно четко проявившегося, на наш взгляд, в православии. Жизнь, данная мне Богом, – испытание, а окружающий мир – комплекс искушений. И существует этот мир,

как говорил протопоп Аввакум «токмо прелести, тля и пагубы» [1. С. 16]. Поэтому терпимость – главный способ моего отношения к действительности и единственный путь спасения души. Но зададимся вопросом: а были ли первоначальные христиане толерантными? Принимали ли они в душе своей «правильность» того, что другие (их большинство) являются язычниками и верят в совершенно иных богов? Утверждают, что терпение основывается либо на страхе, либо на сострадании. По отношению к первоначальным христианам это абсолютно неверное положение. Они готовы были страдать, ибо это – путь к спасению души, и, тем самым, чувство страха большинству из них было либо вообще не ведомо, либо оно было достаточно нивелировано. Сострадали ли они тем, кто посылал их на арену со львами или распинал на крестах? Ответ очевиден. Что же лежало в основе их терпимости? Только вера, чистая иррациональная вера, не замутненная никакой логикой. Разумеется, среди них было множество проповедников, но их проповеди зывали к чувствам, а не к рациональному мышлению. Именно благодаря вере, в тот период, христиане не могли быть и ксенофобами, ибо вопрос, а испытывал ли Иисус ненависть к своим мучителям, имел лишь один ответ, и это послужило «стилем» поведения его последователей.

Но как меняются (притом кардинально) взгляды и поступки христиан, когда их религия, пройдя этап «огосударствления», становится господствующим мировоззрением, прежде всего в Европе. Стало ли христианство (особенно католицизм) толерантным, проповедовала ли церковь любовь к ближнему, если он не христианин? Отнюдь. *Терпимость* не переросла и не могла перерасти в *толерантность*. Она переросла в совершенно дикую, безграничную, ничем не сдерживаемую *ксенофобию*. Массовые убийства сотен тысяч язычников, уничтожение их храмов и капищ, насильственное насаждение христианства, появление понятия «еретик» и последовавшая за этим Великая Инквизиция – вот цена многолетнего терпения, вот отмщение за него. Конечно, большую роль в этом (что кажется достаточно странным только на первый взгляд) сыграла *логика*. А конкретно – Фома Аквинский, запустивший своими пятью доказательствами бытия Божия змея сомнения в чувства верующих. Но это отдельный разговор. Для нас важно одно: *терпение* практически всегда не перерастает в *толерантность*, а «на пределе» порождает именно *ксенофобию*. Омерзительное мировоззрение и омерзительную реальность. В данном случае этимология слова абсолютно далека от «содержания сообщения», которое, по крайней мере сегодня, несет слово *толерантность*. Если содержание понятий «толерантность» и «терпимость» как логические круги Эйлера и имеют некоторый общий сегмент, то это, с нашей точки зрения, случайность и даже отклонение от нормы, то есть флуктуация. Примером может послужить история мавританской Испании и ее столицы города Кордова. С X века (при правлении Абд-ар-Рахмана III) вплоть до начала XIII в. в Кордове существовал лучший в Европе университет, где работали (разумеется, на факультете богословия) представители ислама, христианства и иудаизма. А на центральной площади практически еженедельно проходили дискуссии между представителями данных религий. И это поддерживалось и охранялось властью. Разве это не пример именно *конфессиональной толерантности*? Что произошло с приходом христиан в Испанию, знают все историки. *Толерантность* не есть *терпимость*, какими бы причинами она ни была вызвана. *Толерантность* – мировоззрение человека, прежде всего уважающего свою культуру, национальную и религиозную «самость». Он готов и будет бороться с любыми посягательствами на это. И только поэтому его уважение к *иной* культуре (в самом широком смысле) действительно является сознательным выбором, а не просто сиюминутным эмоциональным состоянием.

Разговор о содержании понятия *толерантность* был бы не полным без рассмотрения «сопряженных» ему понятий. Имеются в виду понятия «политкорректность» и «мультикультурализм», а также понятие «идеология». Последнее интересно тем, что многие политики, ученые, философы сегодня называют *толерантность* идеологией современного либерализма. Понятие «политкорректность» (корректность – от лат. *correctus* – улучшенный) этимологически не обозначает ничего иного, кроме как тактичности в обращении с людьми как со стороны самих людей в межличностных отношениях, так и со стороны политиков и самого государства. Прежде всего речь идет об определенной системе понятий и действий, которые могут негативно затронуть национальные или религиозные чувства. Разумеется, учитывая полиморфность и изменчивость таких понятий и действий, а также и смысл некоторых знаков (вспомним «содержание сообщения»), четко систематизировать их сложно. Хотя, в принципе, возможно. И подобное поведение субъектов общественных отношений вполне может характеризоваться как составляющая толерантности.

С понятием «мультикультурализм» несколько сложнее именно потому, что в «содержании общения» выделяются во многом взаимоисключающие идеи. Первая признает за национальными и конфессиональными системами просто право на равное и паритетное существование, с уважительным отношением друг к другу. По сути дела, в данном контексте мультикультурализм, как нам кажется, просто является синонимом толерантности. Вторая точка зрения считает, что мультикультурализм – это, как минимум, взаимопроникновение, а, в конечном счете, слияние культур. Что-то подобное продуцируется в Канаде государством в виде понятия «плавильный котел» (из соображения политкорректности в последнее время замененный понятием «салатница»).

В данном разделе мы говорим лишь о понятиях, и прежде всего – с точки зрения их этимологии и смысла в современном их понимании. Что же на самом деле происходит с этими понятиями в современном мире и почему люди так понимают и так поступают? А также кто и как формирует структуру подобного миропонимания и систему поведения субъектов? Об этом мы поговорим во втором разделе статьи, которая называется «Реальность».

Понятие идеологии имеет гораздо больше смыслов, чем политкорректность и мультикультурализм. Одно лишь перечисление данных подходов (не говоря уже о цитировании) – тема для отдельной статьи. Мы же выделим две наиболее альтернативные: позитивную и негативную. Первая подразумевает под идеологией «процесс производства смыслов, знаков и ценностей в социальной жизни». Вторая состоит из двух компонентов: «совокупность идей, характерных для конкретной социальной группы или класса» и «ложные идеи, способствующие легитимизации господствующей системы власти» [10. С. 459]. Наиболее четко вторую точку зрения выразили К. Маркс и К. Мангейм, концепции которых взаимодополняют друг друга. Маркс в совместной работе с Ф. Энгельсом «Немецкая идеология» [11] называет идеологию «ложным сознанием» так как считает, что любая идеология есть создание или конструирование мнимого образа социальной реальности, которая лишь выдается за действительность, но абсолютно ей не соответствует. Карл Мангейм по сути дела дополняет точку зрения Маркса, утверждая, что любая идеология есть выражение интересов господствующей власти для удержания ею этой самой власти. А поэтому идеология – это апология власти и ничем другим быть не может [10]. Исходя из этого, нам кажется, что идеологию можно определить как комплекс идей, которые выражают интересы (и только их) господствующего класса, социальной группы или партии и навязываются (силой или (и) путем идеологического воспитания всему обществу, всем остальным социальным группам. Любая, даже самая прекрасная идея превращается в идеологию там и тогда, когда она монополизирована властью. Из этого понимания мы и будем исходить в дальнейшем при рассмотрении вопросов: могут ли *толерантность* и *ксенофобия* быть проявлениями идеологии в той или иной форме.

Рассмотрим теперь этимологию и смысл понятия *ксенофобия*. Определение, данное в Большой Российской Энциклопедии [2. С. 183] «(от греческого, *ксенос* – чужой, *фобос* – страх) – страх или ненависть к кому-либо или чему-либо чужому, восприятие чужого как опасного и враждебного. Возведенная в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного и социального деления людей». Ксенофобия (разумеется в историческом а не в понятийном смысле) имеет гораздо большую историю, чем толерантность. Ученые утверждают, что уже у животных существует явление «этологической изоляции», то есть проявление агрессии по отношению к близким видам и подвидам. Но, разумеется, всё наше внимание – социальной ксенофобии, прежде всего, массовому ее проявлению. Появление массовой ксенофобии долгое время в истории человечества отнюдь не связано с национально-религиозными различиями. Античный мир и эпоха политеистических религий, на наш взгляд, не порождают веронетерпимости и гораздо чаще дают примеры иного порядка. В те времена возникает, может быть, не совсем осознанное, право других (в том числе и национально-религиозных отношений) быть именно «другими». Достаточно вспомнить историю России, когда татаро-монголы в каком-то смысле «толерантно» относились и к национальным, и к религиозным особенностям мировоззрения русских людей и оставляли за ними право жить и верить так, как мы того хотели. Это, во многом, способствовало выживанию и развитию русской культуры.

Первоначально массовые ксенофобские настроения возникают в результате войн, завоеваний, порабощения и вообще военного насилия. Так было во всем мире. И до сего дня отголоски этих событий остаются «осколками» в душах даже вполне цивилизованных современных людей. Шотландия–Англия, Армения–Турция, Англия–Ирландия – достаточные тому примеры. Похоже, что и отношения Россия – Украина вполне могут стать в этот ряд. Тем не менее, разговор о реальности воз-

никновения и проявления массовых ксенофобий – в разделе «Реальность». Отметим лишь несколько теоретически важных моментов. Во-первых, ксенофобия возникает, прежде всего, как мир чувств, на уровне мироощущения, а не миропонимания. Попытки рационально-логического обоснования данных чувств – это лишь способ укрепить и транслировать в будущее ксенофобские настроения. Логика (если это вообще можно назвать *логикой*) здесь вторична. Во-вторых, в отличие от толерантности, ксенофобия полностью соответствует своему этимологическому смыслу и, по нашему мнению, не имеет и не может иметь никаких других смыслов.

Реальность

Начнем с *ксенофобии* хотя бы потому, что данное явление пришло в современный мир из седой древности. Это еще раз подтверждает: ксенофобия как и любая другая «фобия» – явление иррациональное. Чувственный мир (и даже образное мышление) возникают задолго до того времени, когда абстрактно-логическое мышление лишь начинает проходить этап становления. Нам кажется, можно утверждать, что ксенофобское мироощущение является первичным не только исторически. Оно является таковым и сегодня в том смысле, что определяет поведение, к сожалению, огромного количества людей. Оно всегда возникает из «темной стороны» нашей души – зависти, злости, цинизма, нигилизма (где здесь логика?) и иных самых низменных человеческих чувств. Во-вторых, несмотря на кажущуюся индивидуализированность подобных чувств (а чьи они еще?), ксенофобия всегда нуждается в массовой поддержке, стадном, стайном психозе, иногда совершенно не управляемом никакими социально-регламентирующими нормами. Это есть абсолютно бессознательное (или почти бессознательное) оправдание данного «мировоззрения» и поведения. Толпа – надличностна, чувство «мы вместе» действительно способно оправдать в глазах совершающих всё то, что они творят. Если, исходя из своих ксенофобских представлений, я могу публично оскорбить соседа из-за его национальной или религиозной принадлежности, то окружающие могут, мягко говоря, не понять и уж тем более не одобрить моего поступка. А вот в толпе, в некоем «социальном стаде», всё будет иначе.

По поводу массовых проявлений ксенофобии (точнее, времени их появления) в литературе существуют различные мнения. Известная всем Википедия утверждает, что общемировые массовые фобии, основанные на ксенофобии, возникают в эпоху модерна. Имеется в виду период примерно с 1770 по 1910 год. Классическим примером Википедия считает концепции «мирового еврейского заговора» и «желтой опасности». Достаточно вспомнить Владимира Пуришкевича и Михаила Меньшикова (один из идеологов русского национального движения, создатель «Русского национального союза» в 1908 году). Нам кажется, это не совсем верно. Средневековье дает примеры гораздо менее рафинированной ксенофобии. Массовая ненависть к еретикам, поиск ведьм, толпы людей, стоящие у костров аутодафе, разве это не ксенофобия? Разве это не массовый психоз, имеющий, в то числе, и теоретическое обоснование, отработанное церковными иерархами? Разумеется, несмотря на главенствующую иррациональную составляющую, массовая ксенофобия часто нуждается в рациональном, логическом обосновании (хотя оно и вторично). Почти всегда возникают, чаще всего из среды этой «толпы», идеологи данной фобии. Они подводят именно идеологическую базу под инстинкт массового психоза, объясняя, почему правильно то, что мы ненавидим других, что наши чувства отнюдь не плохи, а вызваны благородными попытками противостоять внешним и внутренним врагам, отстаивать свою «самость», не дать в обиду наши ценности, вообще защитить наше право на существование. Эти идеи довольно часто и довольно успешно завоевывают умы людей, привлекая всё большее количество сторонников и последователей, и, что самое страшное, порождают фанатизм и фанатиков из поколения в поколение, не способных даже слышать, а тем более понимать других людей. Но ксенофобия всегда была и будет мироощущением и миропониманием слабых людей. Ибо они всегда будут видеть свои неудачи, всё плохое, что происходит с ними, только в «присках врагов». Они не способны ответить на вопрос: «А кто я, и что я сам сделал? И несю ли я ответственность за то, как живет моя семья, как живет мой народ?». Во многом это похоже на психологию «тинэйджеров», обвиняющих всех и вся (кроме самого себя) в том, что случилось. Более того, этим людям не нужна свобода, ибо свобода всегда сопряжена с личной, а не абстрактной ответственностью. А если они и говорят о свободе, то только понимая ее как вседозволенность и, разумеется, только для них самих.

К сожалению, *ксенофобия* очень часто выходит за рамки только социально-групповых, локальных систем. Иногда она охватывает практически все общество. Классическим примером являются тоталитарные режимы. Мы не будем на этом подробно останавливаться. Хотя бы потому, что Оруэлл

уже давно написал свой роман. Отметим только одну очень важную вещь. В демократических режимах ксенофобия никогда не сможет стать государственной политикой. Она никогда не будет транслироваться официальной властью, за исключением отдельных политиков, которые никогда не способны в этой системе навязать всему обществу подобные взгляды и всегда в глазах большинства людей останутся маргиналами. Достаточно вспомнить поражение Мари Лепен и ее партии на региональных выборах во Франции. Ни в одном учебном заведении, прежде всего – в школах, невозможна проповедь ксенофобских настроений. И даже самые тяжелые испытания (поток беженцев в Европу) не способны превратить в ксенофобов абсолютное большинство жителей этих стран.

Толерантность, во всех отношениях, – полная противоположность. Даже исторически она возникает гораздо позже *ксенофобии*. По утверждению многих исследователей, истоки этого мировоззрения нужно искать примерно в XVII веке. Хотя элементы его имели место и в прошлом (пример мавританской Испании мы приводили). Но, разумеется, главное не в этом. Если ксенофобия – порождение самых низменных инстинктов и чувств, то толерантность пришла в социум из работ великих мыслителей и, как следствие, вызывает к логике, то есть вызывает, прежде всего, к *миропониманию* и лишь потом – к *мироощущению*. Труды Гуго Гроци [6], Томаса Гоббса [5], Джона Локка [9], гениев эпохи Возрождения, французских (и не только) просветителей – вот источник толерантного мировоззрения. Чувства – вторичны, они лишь гармонично дополняют миропонимание. Некая «точка» всего этого, (разумеется, относительная, но сыгравшая огромную роль в развитии толерантного мировоззрения) – «Декларация независимости» США от 4 июля 1776 года, написанная рукой Томаса Джефферсона. Она стала первым политическим документом, обосновывающим принцип *толерантности*: «Мы считаем за очевидные истины, что все люди сотворены равными, что им даны их творцом некоторые неотъемлемые права, в числе которых находятся – жизнь, свобода и право на счастье» [8]. Это – фундамент, это – кредо данного мировоззрения. Всё остальное – «надстройка», без которой, разумеется, не будет целостного ансамбля. И сегодня в демократических обществах это «плоть от плоти» часть государственной политики, этим пронизан весь воспитательный процесс – от школ до проповеди в церкви. Кажется (разумеется, вопрос достаточно дискуссионный), что толерантность является «национальной идеей» современных демократических обществ. Поэтому толерантность и ксенофобия окончательно превратились в абсолютно антагонистические системы мировоззрения. Хотя и здесь не всё так просто. Современные события в странах Евросоюза (имеются в виду потоки мигрантов) несколько смешали картину. Мы имеем в виду, с одной стороны, размежевание по линии «про» и «контра». С другой стороны, рассмотрим такие течения в Германии, как «Пегида» (русская транскрипция) – противников «засилия мигрантов», и «Легида» – сторонников данного процесса. Разумеется, среди тех и других встречаются экстремисты различного толка (нацисты, анархисты и т. д.). Но если мы внимательно изучим деятельность этих организаций, то заметим две очень важные вещи: их лозунги и плакаты вполне «политкорректны», их митинги и демонстрации – вполне мирные, их состав – люди во многом средних лет и старше, а отнюдь не поголовно радикально настроенная молодежь. Еще пример – референдум в Швейцарии по поводу минаретов. В этой стране достаточно мечетей и жители более чем спокойно к этому относятся. Но просыпаться в предрассветный час под крики муэдзинов с минаретов никто из швейцарцев не захотел. Это лишь небольшое подтверждение точки зрения, что *толерантность* – позиция сильных людей.

Разумеется и в толерантном мировоззрении, и в своем желании проявить его не всё так безоблачно. Вернемся к понятиям «политкорректность» и «мультикультурализм». Начнем с первого. Именно здесь, несмотря на глубоко положительный смысл, реализация данного мировоззрения, действия и политиков, и простых граждан далеко не всегда приводит к ожидаемым результатам. Тут очень четко проявляется действие научного и философского понятия «мера». Люди, не желающие и даже боящиеся оскорбить или унижить людей другой религии или национальности, очень часто добиваются обратного. Довольно часто они вызывают по отношению к себе не уважение, а презрение и даже ненависть. Когда в арабских кварталах той же Франции или Бельгии, в университетах Германии (правда, далеко не везде) боятся устанавливать рождественские елки, а вместо изображения Иисуса ставят звезду, не желая обидеть религиозные чувства мусульман, то эти самые мусульмане (можно долго рассуждать об особой ментальности) воспринимают это как признак слабости и самоунижения. А люди, идущие на это, не вызывают у них ничего, кроме презрения. И таких примеров в странах Европейского Союза (да и не только) становится все больше. И вместо взаимопонимания часто возникает «взаимоотчуждение».

С мультикультурализмом дело обстоит еще хуже. Да, современный мир все больше глобализируется, миграционные потоки уже не одно десятилетие пронизывают всё мировое пространство. И при этом всё более четко просматривается абсолютно противоположный процесс – обособления. Люди, во многом даже не очень четко это понимая, боятся потерять свою «самость», которая свойственна, прежде всего, аграрно-патриархальным сообществам, в последнее время ставшим основными поставщиками мигрантов в Европу. Они боятся потерять язык и культуру сами, но еще в большей степени того, что это произойдет с их детьми. Те ходят в школы, поступают в университеты и даже ходят на дискотеки. И вместо «плавильного котла» современный мир получает сумму анклавных, национально и религиозно автономных систем. Как в территориальном (целые кварталы в городах), так и в мировоззренческом отношении. И самое тяжелое, что подобные тенденции ведут отнюдь не к *толерантности* (чего так ждали от идеи мультикультурализма), а именно к *ксенофобии*. Со всеми вытекающими последствиями. И уже самые известные мировые политики вынуждены это признать. Выступая в октябре 2010 года в Потсдаме на съезде молодежных организаций Христианско-демократического союза, Ангела Меркель совершенно недвусмысленно заявила, что идея мультикультурализма в Германии полностью провалилась [12]. Разумеется, есть и противоположные точки зрения, утверждающие, например, что отдельные национальности, достаточно долго живущие в Европе способны, как минимум, к психологической ассимиляции. Правда, только начиная с третьего поколения. Они могут чувствовать и осознавать свою национальную и религиозную принадлежность, но спокойно принимать быт, обычаи, стиль поведения, политические принципы и т. д. Примером являются турки в Германии. Очень спорная точка зрения, ибо те, кто бывал в Германии, видел примеры совершенно другого плана. Всё это заставляет думать, что в реальной действительности с понятиями «политкорректность» и «мультикультурализм» происходит некая «социальная аберрация», по сути дела, они становятся попросту симулякрами.

Однако, необходимо перейти к более важному вопросу, во многом определившему историю всего XX века и, к сожалению, живущему и сегодня. Понимание идеологии мы дали еще в первом разделе. Сказав, что именно этой точки зрения мы будем придерживаться. В реальности же то, что происходило в прошлом известно всем. А сегодня? Практически то же самое. Понятно, что любая нация, любой народ, хотя бы в большинстве своем, мечтают о единой национальной идее, способной объединить, повести за собой и просто сделать жизнь лучше. И как часто (ирония истории) прекрасные идеи становятся причиной исторического тупика и гибели многих социальных систем. Разве идеи коммунизма не достаточно? И тут возникают два очень важных вопроса: кем продуцируются и продвигаются данные идеи и во что превращаются в результате эти идеи – в процветающее общество или в тупиковую ветвь развития? Ответ уже давно дала история. Если национальная идея рождена «снизу», поддерживается большинством общества добровольно, имеет право обсуждаться всеми и, более того, в ней могут сомневаться (и сомневаться открыто) все граждане общества, – это один путь. И тогда эти идеи действительно способны привести к развитию. Ибо многообразие идей, взглядов и мнений становятся движущей силой истории. Именно потому, что многообразие и только многообразие, если хотите, «плюрализм мнений» способны к развитию. Монополия – всегда застой и тупик. Достаточно обратиться даже не к истории, а к истории эволюции видов. Мы не призываем к социалдарвинизму, но не надо забывать, откуда мы пришли. Разумеется, история знает достаточное количество примеров, когда население в абсолютном своем большинстве поддерживало, вплоть до самопожертвования, идеи, предложенные идеологами от власти и самой властью. Тоталитарные режимы тому яркий пример. Тем не менее, Карл Мангейм, с нашей точки зрения, был абсолютно прав.

Рассмотрим современную нам реальность. Народу предложена идея патриотизма как национальная идея, то есть идея, обращенная в будущее. Прекрасная идея, которая всегда вызывает исключительно положительные эмоции у тех, кто ею увлечен. Но идея эта предложена именно «сверху», властью страны. И здесь не просто отличия в причинно-следственных связях. Здесь идея патриотизма (впрочем, как и любая другая идея), становясь **НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕЙ**, предложенной и навязываемой государством, превращается в **ИДЕОЛОГИЮ**. Очень точно этот процесс охарактеризовал Самуэл Джексон, английский тори, еще 17 апреля 1775 г. Выступая в Лондоне в литературном клубе, он охарактеризовал подобный тип патриотизма «последним прибежищем негодяев». Понятно, что ссылка на британца, да еще жившего в XVIII в., может быть не совсем корректна. Поэтому вспомним Льва Николаевича Толстого, которому вряд ли кто-то сможет отказать в патриотизме: «Патриотизм в самом ясном и несомненном значении своем есть ни что иное для правителей, как орудие достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства,

разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти» [14. С.17]. По нашему мнению, все сказано. И сегодня во многом невозможен иной патриотизм, который четко выразил еще один великий патриот России Чаадаев: «Я не умею любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с закрытыми устами» [9. С. 200]. Но суть дела даже не в том, какую собственно национальную идею предлагает власть своему населению: классовой ненависти, расового превосходства или всеохватывающего патриотизма. Суть в том, что, став идеологией, эта идея всегда порождает и транслирует ксенофобию, делая ее образом мысли миллионов людей. Ксенофобия априорна, это атрибут любой идеологии, ибо ощущение превосходства нас над остальными превращает этих остальных во врагов, И неважно, опять же, классовых, расовых или геополитических. И основной инструмент идеологии – пропаганда (а в современном мире информационных технологий это величина абсолютная), которая начинает «сеять» такую ксенофобию, что «двухминутки ненависти» из известного романа Дж. Оруэлла просто меркнут [14]. И всходы не заставляют себя ждать.

Идеология всегда – лозунги, она призывает к традициям, предрассудкам, легендам, чувствам и опирается на ссылки и авторитеты. Поэтому идеология и ксенофобия – явления в социуме взаимопределяемые. Обе противны рациональному мышлению. Ибо там, где логика, где человек начинает осмысливать и рассуждать, – возникают сомнения. И тогда идеология бессильна и переходит просто к насильственному уничтожению сомневающихся и насильственному утверждению самое себя. Чувства же сомнений не вызывают, ибо они – порождение, ибо они – иррациональны. Вера слепа, ненависть безжалостна, на том они и стоят. И сегодня всё чаще из многообразных источников: научных журналов, телевизионных «ток-шоу», политических трибун и т. д. раздаются голоса о «конце Европы». Как тут не вспомнить Шпенглера [18]. Идея проста: современная Европа в своем мировоззрении и действиях (и главная составляющая здесь – толерантность во всех ее проявлениях) даже не способна ответить на те вызовы, которые встали перед ней, да и всем миром. Следствие – либо Европа изменится, притом кардинально, либо эту цивилизацию ждет гибель. Но дело в том, что все эти «критики» не хотят ответить на достаточно простой вопрос: а что взамен? Ибо вместо толерантности можно предложить только ксенофобию, вместо законности – беззаконие, вместо сострадания – жестокость, вместо добра – зло. И «*tertium non datur*». Всё остальное не имеет ни теоретического, ни реального смысла. Поэтому ответ может быть только один: мир погубит не человеколюбие, а ненависть. В каких бы формах ее ни предлагали идеологи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аввакум П. Житие. Иркутск: Вост. сиб. изд-во, 1979. 122 с.
2. Большая Российская энциклопедия. Т. 16. М.: Изд-во БРЭ, 2010. 546 с.
3. Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: Изд-во БРЭ, 2015. 612 с.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрона И.А. Словарь в 4-х томах. СПб., 1907–1909.
5. Гоббс Т. Философские учения о гражданине. М.: Изд-во «АСТ», «Харвест» 2001. 512 с.
6. Гроцци Г. Бесплезные мемуары. М.: Бюро Маяк, 2013. 323 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд-во «Прогресс», 1998. 882 с.
8. Декларация Независимости США. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/>.
9. Лебедев А.М. Я. Чаадаев М.: Молодая гвардия, 1965. 270 с.
10. Локк Дж. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1985. 146 с.
11. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 98-212.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. собр. соч.: в 46 т. Т. 3. М.: Мысль, 1955. 346 с.
13. Меркель А. // РБК. 17.10.2010.
14. Оруэлл Дж. 1984. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
15. Толстой Л. Христианство и патриотизм. СПб., 1894. 34 с.
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1989. 840 с.
17. Шеннон К. A mathematical theory of communication. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 300 с.

*V.N. Skrynnik***TOLERANCE AND XENOPHOBIA. SENSE AND REALITY**

In the modern world, interreligious and interethnic relations have sharply escalated. Two conflicting tendencies in these relations – tolerance and xenophobia – have manifested themselves very clearly. These concepts have been known in science and philosophy for quite a long time. Today, however, they are largely changing their content. In order to understand what is actually happening, it is necessary to clearly define the following: how much the meaning we give to these concepts corresponds to reality. During the study it became clear that the concept of tolerance does not correspond to the etymology of the word. It is because of incorrect understanding that the attitude to tolerance is often a negative reaction. As a result, in reality, support for this type of behavior is much lower than the supporters of this type of worldview would like it to be. On the contrary, the concept of xenophobia is fully consistent with the etymology, which, in principle, does not add to supporters to it. Its understanding does not require serious effort. The main thing is that tolerance always appeals to logic, worldview, and xenophobia appeals to feelings and the most sordid ones at that. And the fate, at least, of European civilization depends largely on their confrontation (not in philosophical debates, but in reality).

Keywords: tolerance, xenophobia, political correctness, multiculturalism, religion, etymology, simulacrum, social aberration, ethology.

Скрынник Виталий Николаевич,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru

Skrynnik V.N.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of philosophy
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: kf-fsf-udsu@yandex.ru